

ЭТО
ТОЧНО
(НЕ)
ПОДДЕЛКА?

ТОНИ
ТЕТРО

ДЖАМПЬЕРО
АМБРОЗИ

ОТКРОВЕННЫЙ
РАССКАЗ
САМОГО
ИЗВЕСТНОГО
АРТ-МОШЕННИКА

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 7.061
ББК 85.1
ТЗ7

CON/ARTIST
Tony Tetro with Giampiero Ambrosi
© 2022 by Tony Tetro and Giampiero Ambrosi
Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC.

Данная книга содержит в себе сцены приема
наркотических веществ. Издательство категорически
осуждает употребление наркотических средств, психотропных
веществ или их аналогов.

Тетро, Тони.

ТЗ7 Это точно не подделка? Откровенный рассказ са-
мого известного арт-мошенника / Тони Тетро, Джам-
пьеро Амбрози ; [перевод с английского Е. В. Ноу-
ри]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-185098-2

Самый дотошный фальсификатор произведений искусства раскрывает секреты своего мастерства. Тони Тетро рассказывает о своей “карьере”, в результате которой он написал сотни копий, неотличимых от мировых шедевров. Арт-рынок — гораздо более грязный и неприятный бизнес, чем мы привыкли думать. Тони Тетро вас подвергнуть сомнению каждый шедевр, который вы когда-либо видели в музее, галерее или частной коллекции. Человек, несколько десятилетий успешно притворявшийся Рубенсом, Рембрандтом и Шагалом, разоблачает мир искусства, раскрывает его грязные секреты.

УДК 7.061
ББК 85.1

ISBN 978-5-04-185098-2 © Ноури Е.В., перевод с английского, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

В память об офицере Томасе Уоллесе
и с благодарностью к Северино
и Сантине Амбрози

Камиль Коро написал 3000 полотен,
10 000 из которых были проданы в Америке.

— *Рене Гюйге,*
бывший главный куратор музея Лувра

Содержание

	Пролог (18 апреля, 1989)	7
один	Здесь теперь тебе и спать (1950-1969)	9
два	Фултон, только с пальмами (1969-1972)	20
три	Подделка! (1972)	34
четыре	Мое ученичество (1972-1975)	50
пять	Хорошо смеется тот (1972-1975)	63
шесть	Печатаем деньги (1977)	75
семь	Наркобарон из Апленда (1979)	88
восемь	Искатели приключений (1979)	100
девять	Легенда о подлинности (1981)	117
десять	Дикий Запад (1982)	129
одиннадцать	Выше звезд (1985)	142
двенадцать	Принц Фугази (1986)	155
тринадцать	Печатаем настоящие деньги (1987)	163
четырнадцать	Жизнь шизофреника (1987)	175
пятнадцать	Мой Караваджо (1987)	183
шестнадцать	Все летит к черту (1988)	194

семнадцать	Определитель телефонных жучков (1988)	208
восемнадцать	Ямагата (1988)	221
девятнадцать	Провал (1989)	225
двадцать	Расплата (1989)	236
двадцать один	Суд надо мной (1989–1991)	248
двадцать два	Обратно к точке отсчета (1993)	265
двадцать три	Наружу и вниз (1994–1999)	280
двадцать четыре	Рождение Тони Монтаны (2000-е годы)	291
двадцать пять	Что в кармане у принца Фугази (2014–2020)	300
	Заключение	313
	Слова благодарности	317

Пролог

(18 апреля, 1989)

Лежу я, значит, спокойно на диване, отхожу ко сну... слышу: у входной двери кто-то копошится и приговаривает:

— Тони! Тони! Ты здесь, Тони?

Ну я и ответил:

— Здесь!

В ту же секунду врываются полицейские, человек 25... один с порога заявляет:

— Вам сейчас передали 8 000 долларов наличными. Отдайте немедленно.

Я отпираться не стал — поспешил отдать.

Копы начали методично разрушать мое жилище: с хрустом отлетали обои, ковры безжалостно взмывали вверх, содержимое всех ящиков заполняло помещение.

Все это время я сидел на диване, обливаясь потом, и украдкой посматривал на свою тайную комнату, которая отражалась в зеркале на каминной полке. Помещение странной формы укромно располагалось за ванной на втором этаже. Если нажать #* на беспроводном телефоне, откроется зеркало в полный рост, за которым притаилась моя сокровищница со специальной бумагой, красками, коллекционными печатями, осветительными приборами, винтажными пишущими машинками, сертификатами подлинности, блок-

нотами с подписями — со всем тем объемным антуражем, без которого не обойтись ни одному профессионалу, чье призвание заключается в подделке произведений искусства.

Копы рылись в моей аптечке, стучали по стенам, заглядывали внутрь бачка унитаза. Найди они мою сокровищницу, и моя песенка окончательно спета. В течение шести или даже семи часов копы ходили взад и вперед к своему большому грузовику, помещая в него картины, коробки, книги и все, что смогли найти. Наконец, они притомились, и главный детектив объявил, что все славно потрудились, а значит, можно уходить.

Все мгновенно побросали то, что было в руках, и ретировались. Я уже было испустил самый большой вздох облегчения за всю свою жизнь. Но на самом деле мои гости никуда уходить не собирались. Они вышли из квартиры и выстроились на пороге. Последовало долгое, неловкое молчание. Я аж растерялся: начал вставать, подумав, что они собираются надеть на меня наручники. Один из копов, толпившихся на входе, поймал мой взгляд, приподнял брови и одарил меня мерзкой ухмылкой.

Через секунду главный детектив обернулся и крикнул коллегам:

— А теперь пройдемся по второму разу!

... и все они бросились обратно, меняясь местами и выкрикивая: «Я наверху, парни, я в ванной, я здесь». Сердце мое рухнуло не просто в пятки — оно пробило пол. Я повалился обратно на диван и замер в отчаянии.

**Если бы они нашли мою потайную
комнату, той жизни, которой я жил,
пришел бы конец.**

Здесь теперь тебе и спать

(1950–1969)

Фултон, никудышный городишко, в котором я вырос, на всех плакатах представлялся «Городом Большого Будущего». Мой отец называл его «задницей Нью-Йорка». Сегодня Фултон — это просто очередная жертва «Ржавого пояса»¹, но в мое время город процветал и гостеприимно принимал у себя итальянских и ирландских иммигрантов, которые присягали на верность новой родине, исправно посещали церковь и усердно трудились на одной из фабрик: в городе располагались филиалы *Sealrite*, *Armstrong Cork*, *Miller Brewing* и *Nestlé* — последние производили шоколад, чарующий запах которого каждый раз перед дождем доносился до нас с другого берега реки.

Мы все осознанно отказались от своих родных языков, говоривших и раздражающих неамериканских имен, твердо намереваясь заработать себе новые на этой многообещающей земле.

¹ Часть Среднего Запада и восточного побережья США: с начала промышленной революции и до 1970-х годов здесь были сосредоточены стальные производства.

Мы играли в бейсбол, катались на велосипедах и мотались на пляж Фэр-Хейвен поплавать в озере Онтарио — лично я просто днями напролет валялся там, сооружая и декорируя замысловатые замки из песка. Мы все поголовно вступили в ротари-клуб¹ и устраивали благотворительные карнавалы для добровольцев, вступивших в пожарную охрану. И пусть, как и все дети, мы упоенно обменивались оскорблениями — например, мы называли ирландцев «микками», а они нас — «гинеями», «гумбами» и «смазчиками», — настоящей вражды между нами никогда не возникало. Каждый итальянский парень в конечном итоге женился на ирландской девушке, и каждая итальянская девушка вышла замуж за ирландского парня. Даже один из моих лучших друзей, Гэри Баттлс, женился на Розалии Арчиляно.

Мой отец Джеймс, которого все называли «Гамп» из-за сходства с Энди Гампом², персонажем мультфильма 1930-х годов, ребенком приехал из Италии, из Бари, и сначала пожил в Бронксе, где на всю жизнь натаскался кубиков льда по лестнице многоквартирного дома на авеню Артура, а затем переехал в Центральный Нью-Йорк. Моя мать, урожденная Беатрис Ди Стефано, родом с Сицилии, ступила на легендарный остров Эллис, сменила имя: замуж за моего отца в возрасте восемнадцати лет она выходила как Би де Стивенс. Они купили дом, завели четверых детей и просто старались как можно более достойно прожить каждый Богом данный новый день.

Изгиб Первой улицы, на которой мы жили, носил прозвище Спагетти-Бенд. На протяжении десятилетий именно он служил центром итальянской общины Фултона. В тридцатые годы Фултон называли «Маленьким Чикаго», ведь

¹ Благотворительная организация, открытая для всех, вне зависимости от национальной принадлежности и мировоззрения. — *Прим. ред.*

² Герой газетного комикса. — *Прим. ред.*

именно здесь зачастую совершались убийства в стиле Аль Капоне¹ — вполне заслуженная репутация оплота мафии в центре Нью-Йорка.

Пока я рос, мафия обреталась повсюду,
но «работала» сдержанно, старалась
ничем не выделяться — просто создавала
атмосферу, которой мы все дышали.

В итало-американском клубе на Бродвее за игрой в карты можно было заметить тех самых боссов, Антонио Ди Стефано (с моей матерью они были просто однофамильцами) и Бобо Раньери — верное «окружение» слонялось поблизости в ожидании.

Насколько мне было известно, они контролировали музыкальные автоматы, автоматы для игры в пинбол и доски для фиксации сделанных ставок в каждом ресторане и кафе, где разрешалось делать ставки на спорт или разыгрывать подпольные лотереи. Если у кого-то случались неприятности, именно у этих братков всегда можно было занять денег — не без напоминания: «Лучше верни», — но ни разу за свое детство и юношество я не наблюдал ни наркотиков, ни проституции, ни чего-либо еще непристойного.

Конечно, в Фултоне уже тогда пошла мода на обанкротившиеся предприятия с оплаченными страховыми полисами и неисправной, подверженной возгоранию проводкой. Боулинг-центр «Дерби Лейнс», гриль-бар «У Гейла», автосалон, мебельный магазин — все они сгорели дотла. Один из друзей моего брата, Левти Леви, хвастался своим участием в поджоге нескольких заведений и даже своей собственной машины. Левти называл такие мероприятия

¹ Американский гангстер итальянского происхождения. — Прим. ред.

«Еврейской Молнией». Когда Бобо Раньери умер, в Фултоне состоялись похороны, о которых впоследствии вспоминали десятилетиями: засвидетельствовать свое почтение пришли все — процессия из сотни черных кадиллаков тянулась насколько хватало глаз.

Все это не могло не производить впечатления, но меня такая сфера деятельности не особо привлекала.

Моими героями были не гангстеры, а Энцо Феррари и Леонардо да Винчи — гении, которыми я мог гордиться и к которым стремился хоть немного приблизиться.

В моем детстве Энцо Феррари находился в самом расцвете сил, и машины его производства не имели соперников на гоночной трассе. Они были настоящим чудом инженерной мысли, выигрывали все заезды, затмевая всех остальных мировых производителей. На 24 Heures du Mans¹, пока другие автомобили вспыхивали огнем или ломались, болиды Феррари катались безупречно — так хорошо они были спроектированы. Эти машины стали олицетворением итальянского мастерства, захватывающего дух стиля и совершенства дизайна, намного превосходящего безвкусные и простые мускул-кары, выпускаемые американцами. В детстве я с гордостью представлял себе культурную цепочку от Древнего Рима и эпохи Возрождения вплоть до этих автомобилей, меня переполнял восторг от осознания, что я каким-то образом связан с этой великой культурой. Каждый ребенок придумывает историю о том, откуда он родом и какова его роль в истории своей страны, и мое место и предназначение меня более чем устраивали.

¹ Автомобильная гонка на выносливость, проходящая ежегодно во Франции. — Прим. ред.

В школе мы изучали Древний Рим, и параллельно с этим Голливуд также один за одним порождал эпические фильмы о величии и славе Вечного города. «Бен-Гур» получил одиннадцать премий «Оскар» и наполнил мое сознание панорамными, цветными изображениями роскоши и цивилизации. Я упоенно лелеял мысль о том, что именно мои предки построили акведуки длиной в сотни километров и что именно римские дома уже множество веков назад были оснащены горячей и холодной водопроводной водой, в то время как другие народы жили в грязных крытых соломой хижинах.

Студентом я был не очень-то прилежным, с трудом корпел над учебниками ради твердой тройки, скорее всего потому, что большинство предметов меня не интересовали. Однако я всегда увлекался искусством, глубоко и искренне интересовался им. Даже в возрасте всего девяти или десяти лет я срисовывал фотографии из книг или журналов, которые моя мама, заядлая читательница, оставляла валяться по всему дому. Помню, однажды я скопировал от руки фотографию Стива Ривза, культуриста и актера из фильма «Геркулес». Одетый в короткую тогу, могучий герой валил на землю две колонны — столпы мифической славы, — обмотав их цепями. Закончив рисунок, я с гордостью показал его маме, и она похвалила меня, но мой старший брат Джим лишь обидно поддел меня, обвинив в том, что я всего-навсего срисовал фотографию по контуру. «Нет! Это неправда!» — закричал я, тряся перед ним оригиналом, пытаясь доказать, что мой рисунок на самом деле намного больше, чем фотография. Я очень гордился своей работой, и его обвинения глубоко оскорбили мое юное сердце.

В нашем городе располагалась прекрасная библиотека Карнеги, и именно там проводил свои заседания Клуб Микки Мауса. Каждый вторник вечером после ужина мы спускались вниз и, наострив уши, распевали хором песни, учи-

лись кодексу благонравного гражданина и в целом познавали азы Евангелия в трактовке Уолта Диснея. После таких клубных встреч я заходил в отдел искусства и листал издания Abrams Books¹, рассматривая красочные иллюстрации.

В надежде на скрытые музыкальные таланты отец купил мне гитару и нашел мне учителя.

Как оказалось, ничего путного из этого не вышло: пустая трата моего времени и его денег. Вместе с тем мама, заметившая, что у меня есть талант к искусству, купила мне набор масляных красок для начинающих. В нем было не так много тюбиков с красками, четыре или пять кистей, немного разбавителя и небольшая стопка полотняных холстов размером восемь на десять дюймов. Я упражнялся в рисовании за кухонным столом, пока мама готовила ужин. Поначалу я был искренне поглощен занятием, но, будучи лишь ребенком, не мог удерживать внимание на одном и том же в течение долгого времени. Тем не менее в своих художествах я был чрезвычайно амбициозен.

**Я попробовал нарисовать портрет нашего
пса, Дюка, но еще не научился
передавать то, как свет падает
на шерсть.**

Подруга моей матери, госпожа Поммерой, однажды похвалила меня, сказав, что, по ее мнению, моя картина просто замечательная. Я не загордился и ответил, что мне работа совсем не нравится и что в других случаях у меня получалось гораздо лучше. Еще тогда я был очень требователен к результатам своего труда.

¹ Abrams Books — первое в США издательство со специализацией на выпуске иллюстрированных книг об искусстве. — Прим. ред.

В католической школе Святого Семейства, где я учился в младших классах, за нами строго следили мрачные монахини, похожие в своих рясах на пингинов. Они щедро и в равной мере делились как знаниями, так и своим собственным скукоженным пониманием дисциплины, в миру известным как телесные наказания. Один раз я изобразил свою учительницу, старую монахиню, в образе *Vargas pin-up girl* — длинные сочные ноги, пышные бедра и налитая грудь, увенчанные настоящим вечно недовольным, морщинистым и очень узнаваемым лицом сестры Антонии. Конечно, она поймала меня, а поймав, сильно надавала мне указкой по костяшкам пальцев и потащила за ухо по коридору к директору, отцу Хирну, который с трудом подавил смешок и заставил меня пообещать больше никогда подобных рисунков не создавать.

Впервые меня по-настоящему начали обучать искусству в старшей школе. Нашим учителем был выпускник колледжа по истории искусств, который всячески поощрял наш интерес к предмету, знакомил нас с великими художниками и такими понятиями, как перспектива, теория цвета и техника. Помню, на уроке абстрактного искусства я нарисовал непропорциональную обнаженную женщину. Да, оценку мне поставили неудовлетворительную, но никто не вытаскивал меня за это из класса за ухо. На занятии по перспективе я нарисовал подробный план комнаты, тщательно перенеся на бумагу все, что видел перед собой. Я получил пятерку с плюсом и очень обрадовался. На этот раз я и сам почувствовал, что заслужил высокую оценку.

По вечерам я отправлялся в городскую библиотеку и спускался в подвал мимо нового клуба Юных Мушкетеров, и там часами разглядывал работы художников, о которых тогда ничего, по сути, не знал. Я не понимал идей Пикассо, равно как и не восторгался Мондрианом. Не видел смысла в освоении сложнейших изобразительных техник